

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

С. Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(по материалам полевых исследований в Монголии,
1968—1969 гг.)

Территория Центральной Азии простирается от Памира до Хингана, от Прибайкалья до Гималаев. Лишь в недавнее время это географическое понятие превратилось в термин, обозначающий культурно-исторический регион. Пока еще трудно определить начальные этапы формирования этнокультурного ландшафта Центральной Азии. Очевидно только, что к концу эпохи бронзы и в эпоху ранних кочевников («скифскую эпоху») существовало поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей степной полосы Евразии, от Причерноморья до Ордоса. В IV—II вв. до н. э. скифское наследие, обогащенное эллинистическим влиянием, было по-разному освоено и переработано сарматами в Юго-Восточной Европе, тохарами-кушанами в Средней Азии, гуннами в Центральной Азии.

В конце III в. до н. э. впервые на востоке Великой степи возникло обширное политическое объединение, охватившее почти всю территорию Центральной Азии. Экономические и политические отношения между гуннами и Китаем не были похожи на отношения Рима с его варварской периферией. В отличие от Средиземноморья на Дальнем Востоке противостояли друг другу приблизительно равные по военному потенциалу силы. Иногда забывают, что здесь не было ничего подобного романизации Галлии и Дакии или варваризации Италии, хотя то гуннские отряды, то ханьские армии глубоко проникали на заповедные территории противника. Все же не гунны, а наследовавшие им и генетически связанные с ними тюркские племена оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйст-

венных типов, политических общностей и культурных традиций.

Время сложения и существования на территории большей части Центральной Азии древнетюркских государств, т. е. почти всю вторую половину I тысячелетия н. э., принято называть древнетюркской эпохой, или древнетюркским временем¹. Территориальные границы, в рамках которых допустимо употребление этих понятий, не столь определены, как могло бы показаться на первый взгляд. Началом древнетюркской эпохи стало не просто возвышение племени *тюрк* во главе с родом Ашина, а создание первой евразийской империи, простиравшейся от Маньчжурии до Византии. В столь широких пределах империя просуществовала менее полувека, однако и после ее распада уже не было возврата ни к политическому вакууму, ни к децентрализованной государственности, ни к парцелляризации этнических процессов.

Не обсуждая сейчас историческую роль древнетюркского наследия в Юго-Восточной Европе (Хазарский каганат и Великая Болгария) или в Средней Азии (Западнотюркский и Тюркешский каганаты), отметим лишь, что наиболее значительное место древнетюркская эпоха занимает в истории Центральной Азии и Южной Сибири. Здесь складываются крупные и сравнительно устойчивые этнические группировки собственно тюркских, огузских (уйгурских) и кыргызских племен, создавших свои государства. В рамках этих государств завершается процесс становления классов и классового общества в кочевой среде Центральной Азии, процесс, начавшийся много раньше. К середине VI в. путь, на котором, говоря словами Ф. Энгельса, «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность»², был пройден до конца. Ограниченная власть военного вождя племени переросла в деспотическую власть кагана — правителя государства. Внутри Тюркского каганата реализуется подготовленный веками предшествующего развития процесс становления раннефеодальных отношений, сочетавшихся с социальной структурой, сохранившей формы, характерные для периода военной демократии.

Основой хозяйственной деятельности тюркских и огузских (уйгурских) племен было экстенсивное кочевое скотоводство. Различные формы скотоводческого хозяйства совмещались с

¹ Ср.: А. Д. Грач, Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 188—193.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 164.

неполной оседлостью, позволявшей в очень ограниченных масштабах и строго локализованно заниматься земледелием. Некоторые родовые группы специализировались также на добыче руды, выплавке и обработке металла, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники³. Получает развитие межплеменной обмен. Все же эти домашние методы производства и распределения сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий никак не могли удовлетворить возрастающих потребностей консолидированных в государство племен, значительная часть которых была вырвана постоянными войнами из замкнутого цикла примитивного натурального хозяйства. В тюркских памятниках и других источниках прямо названы главные из тех продуктов, которые поступали извне, это — зерно и шелк, хлопчатобумажные ткани и железо, золотые и серебряные украшения и сельскохозяйственные орудия.

Каким путем удовлетворялся спрос на эти продукты? Военная добыча обогащала в основном аристократию, но никогда не была важным источником поступления той продукции, нужда в которой была повседневна. Взимание дани предусматривало политический контроль над странами оседлой цивилизации, однако к началу VII в. такой контроль был в значительной мере утрачен. Включение в 60-х годах VI в. Тюркского каганата в систему политических и экономических отношений крупнейших держав того времени — Византии, Ирана, Китая — и борьба за контроль на Шелковом пути обогатили лишь верхушку каганата.

Иное дело пограничная торговля — ее всячески добивались и в ней прежде всего были заинтересованы широкие слои скотоводческого населения Центральной Азии. Казалось бы, их естественным партнером мог быть Китай. Но на протяжении чуть ли не двух тысячелетий пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над «варварами», монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования Тюркского каганата имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе⁴. Суть китайской политики четко сформулирована историком Хоу Жэнь-чжи: «Нет дани — нет торговли, есть дань — есть и вознаграждение»⁵. Оставался открытым еще один путь хо-

³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 515—525.

⁴ Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I, Wiesbaden, 1958, стр. 454—455.

⁵ См.: А. С. Мартынов, Особенности торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин, — сб. «Китай и соседи в древности и средневековье», М., 1970, стр. 234.

зайственной кооперации — перенесение производства необходимых продуктов на территорию, постоянно контролируемую тюркскими, а впоследствии уйгурскими каганами.

Еще в недавнее время эта разновидность экономического симбиоза кочевого и оседлого населения Центральной Азии рассматривалась как явление спорадическое, обусловленное выводом в степь военнопленных-землепашцев и ремесленников, которые и обслуживали ставки кочевых вождей. Пленных и перебежчиков из Китая селили на своих землях уже гунны. Наиболее ярким примером такой политики считалась постройка Чингизидами Каракорума, куда сгонялись со всех покоренных земель искусные мастера⁶. Теперь можно утверждать, что именно в древнетюркских государствах Центральной Азии этот путь обеспечения нормальной жизнедеятельности общества, большая часть которого состоит из кочевников-скотоводов, оказался наиболее предпочтительным и применялся наиболее широко, но в иных, чем у гуннов и монголов, формах.

В 1968—1969 гг., во время полевых работ в Монголии, мною были исследованы среди прочих два новых эпиграфических памятника — один в центре страны, близ древней ставки тюркских каганов, другой — на юге пустыни Гоби. Первый памятник, названный Бугутским, двухметровая стела на каменной черепахе, был установлен у большого тюркского кургана. Его навершие воспроизводило сцену из генеалогического мифа тюрков: волчица, прародительница каганского рода Ашина, выкармливает изуродованного врагами мальчика, будущего праотца тюрков. Надпись на стеле была, однако, согдийская. Ее дешифровал В. А. Лившиц⁷. Оказалось, что стела была установлена в честь сподвижника первых тюркских каганов Махан-тегина в начале 80-х годов VI в. Почему же текст был написан на согдийском языке?

Второй памятник, открытый на юге Гоби, близ хребта Сэврэй, был совсем другого рода. На метровой мраморной глыбе высечены две надписи, повествующие об успешном походе в Китай в 762 г. уйгурского Бёгю-кагана. Это — билингва: одна из надписей тюркская, а другая согдийская⁸. Кем и для кого писалась здесь согдийская надпись? Кем и для кого был высечен согдийский текст Карабалгасунской стелы? Кем и для кого написаны черной тушью на скале Тайхир-чулу среди тюркских надписей согдийские?

⁶ «Древнемонгольские города», М., 1965, стр. 18.

⁷ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Согдийская надпись из Бугута. — сб. «Страны и народы Востока», X, М., 1971, стр. 121—146.

⁸ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Сэврэйский камень. — СТ, 1971, № 3, стр. 106—112.

Проникновение согдийцев в Центральную Азию началось, по-видимому, еще в конце IV в. до н. э. Первые согдийские колонии сложились в городах Восточного Туркестана и впоследствии играли важную роль на великом Шелковом пути. В V—VI вв. н. э. согдийские города и поселения в Семиречье, Восточном Туркестане и Ганьсу были не только торговыми, но и ремесленно-земледельческими центрами, в немалой степени определявшими политическую, культурную и идеологическую жизнь этих областей. С момента образования Тюркского каганата влияние согдийцев в Центральной Азии еще более возросло. Согдиец Маниах возглавил первые тюркские посольства в Иран и Византию. Согдийцы занимали видное положение при дворе восточнотюркских каганов в Монголии. Китайский лазутчик Пэй Цзюй писал в 607 г. в своем донесении двору: «Тюрки сами по себе простодушны и недалекосмысленны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны. Они научают и направляют тюрков!»⁹.

Однако согдийское население каганата состояло отнюдь не только из приближенных кагана. Когда в 630 г. Первый тюркский каганат пал, китайцами были захвачены и уведены на юг многие тысячи согдийцев. Это были не придворные и купцы, а ремесленники и земледельцы. Последующие события подтверждают правильность такого предположения. Поселенные в Ордосе согдийцы выплачивают двору дань тканями, которые они изготавливают, и создают в новых местах оседлые поселения¹⁰. Когда в 691 г. Тюркский каганат возродился, его первые каганы требуют у танского двора возвращения потомков согдийцев, уведенных за Великую стену, и добиваются своего. В Уйгурском каганате, где интенсивно формировалась городская культура, строителями столичных городов стали согдийцы. Под влиянием среднеазиатских образцов возводились Ордубалык и Байбалык, ставки в Хангае и уйгурские города-крепости в Туве¹¹.

⁹ Liu Ma-u-t'ai, Die chinesischen Nachrichten, I, стр. 87—88.

¹⁰ О согдийских колониях в Ордосе см.: E. G. Pulleyblank, A Sogdian colony in Inner Mongolia, — TP, 1952, vol. 41, стр. 317—356; S. G. Kljaštornyj, Sur les colonies sogdiennes de la Haute Asie, — UAJ, 1961, Bd XXXIII, N. 1—2, стр. 94—97. Об экономике ордосских колоний — С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 94—100.

¹¹ Вопросы генезиса древнеуйгурской городской культуры весьма сложны, и археологический материал для их решения еще недостаточен. Об участии согдийцев в строительстве городов существует прямое упоминание в надписи уйгурского кагана Баян-чора (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 38, 43); см. также об этом: С. И. Вайнштейн, Древний Пор-Бажин, — СЭ,

Вероятно, результаты земледельческой деятельности согдийцев и оседлой части тюркского населения в малоблагоприятных природных условиях Монголии были ограниченны, но именно согдийцы обеспечили каганату интенсивные экономические и политические связи с богатыми городами-оазисами Восточного Туркестана, наладили, в обход китайских гарнизонов, караванную торговлю с Чачем, Самаркандом и Бухарой. Их деятельность содействовала и оседлости самих тюрков, включая городскую жизнь, получившей особое развитие в Уйгурском каганате. Таким образом, в экономической и отчасти политической сфере согдийцы в немалой степени содействовали провалу усилий китайского двора хозяйственно изолировать тюрков и тем склонить их к признанию китайского сюзеренитета.

Обратимся к культурному аспекту древнетюркской эпохи. Археологи отмечают сложившуюся в VI—VIII вв. новую общность многих элементов материальной культуры в степной полосе Евразии и влияние этой общности на Китай, Среднюю Азию, Иран, страны Восточной Европы. Речь идет о распространении таких существенных для того времени предметов, введенных в широкий обиход тюрками, как железное стремя и комплекс вооружения конного воина, конская сбруя, украшения¹². В степях Центральной Азии складываются едиобразные или весьма сходные формы быта, а вместе с ними в какой-то мере унифицируются религиозные воззрения, которые для археологов отражены прежде всего в широком распространении двух основных форм тюркского погребального обряда — трупосожжения и погребения с конем.

Однако наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркская руническая эпиграфика Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана (к ней примыкают и согдийские надписи), датируемая VI—XI вв., и древнеуйгурская литература Восточного Туркестана, зародившаяся

1964, № 6, стр. 113—114. В различных источниках упомянуты семь крупных уйгурских городов в Монголии; в Туве сейчас насчитывается 16 городищ уйгурского времени. См.: С. В. Киселев, Древние города Монголии, — СА, 1957, № 2, стр. 93—95; Д. Майдар, Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории, М., 1971, стр. 122; С. И. Вайнштейн, Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, — УЗТНИИЯЛИ, 1959, вып. VII, стр. 260—274; Л. Р. Кызласов, Средневековые города Тувы, — СА, 1959, № 3, стр. 66—80; е го же, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 59—63; А. Д. Грач, Итоги и перспективы археологических исследований в Туве, — КСИА, 1969, вып. 118, стр. 53—54.

¹² С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, — СЭ, 1966, № 3, стр. 60—81; В. И. Распопова, Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв., — КСИА, 1970, вып. 122, стр. 86—91.

ся в VIII—IX вв. и пережившая древнетюркскую эпоху. Древнетюркские рунические надписи обладают двумя существенными и неоспоримыми для историка достоинствами: автохтонностью и аутентичностью. Они являются первыми некитайскими письменными документами, фиксирующими исторические события, происходившие на огромных территориях Центральной Азии и Южной Сибири.

Памятники написаны отшлифованным литературным языком, хотя и созданным на базе одного из тюркских языков или одной группы тюркских языков, но уже в VIII в. в какой-то мере архаичным, искусственным. Эта литературно-языковая традиция, общая для тюркоязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири в древности, была сохранена уйгурами и карлуками и получила дальнейшее развитие как в памятниках уйгурского письма из Восточного Туркестана, так и в языке писателей караханидской эпохи¹³.

В. В. Бартольд впервые заметил, что древнетюркские памятники позволяют пересмотреть существовавшие в науке представления о системе культурного взаимодействия народов Дальнего Востока, Центральной и Передней Азии: «До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры... Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок в VIII в., так и у монголов в XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения»¹⁴.

Успехи восьмидесятилетнего изучения древнетюркской письменности создают иногда ощущение известной завершенности научной обработки этой сравнительно небольшой группы памятников. Между тем именно сенсационные результаты десятилетия открытия и дешифровки выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось отложенным до настоящего времени. Остановимся на некоторых из них.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. Во второй половине VI в. это государство достигло апогея своего могущества, а в 630 г., в период максимальной внешней экспансии Танской империи, оно было разгромлено китайскими армиями. Тюркское население Монголии,

¹³ Ср., например: Э. Р. Тенишев, «Кутадгу билиг» и «Алтур ярук», — СТ, 1970, № 4, стр. 24—31; А. М. Щербак, О фонетических особенностях языка «Кутадгу билиг» и древнейтюркском консонантизме, — там же, стр. 20—23.

¹⁴ В. В. Бартольд, Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, — Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 24—25.

оттесненное в неудобные для скотоводческого хозяйства районы близ Великой стены, под надзор китайских пограничных войск, не смирилось с утратой независимости. После восстаний 679—681 гг. и переселения на старые земли тюрки возродили собственную государственность. Второй тюркский каганат просуществовал до 744 г. и был сменен Уйгурским каганатом.

Все обнаруженные до недавнего времени в Монголии памятники древнетюркской письменности относятся либо к эпохе Второго каганата, причем только к 20—30-м годам VIII в., либо к уйгурской эпохе (745—840 гг.). Следует ли, исходя из этих фактов, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычно устанавливает в погребальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Что, следовательно, историческая письменность у тюрков возникла лишь в последние десятилетия Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение Л. Р. Кызласова — выдающегося знатока тюркской археологии, которому тюркология обязана блестящими работами о датировке и историографической интерпретации енисейских надписей: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов, в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугу и другими племенами, входившими в Первый тюркский каганат (552—630 гг.). Это государство занимало огромную территорию от Каспийского моря до Ордоса и от Алтая до Тянь-Шаня. С середины VI в. на этой территории вместе с алтайскими тюрками распространились присущие им погребальные сооружения с тюркским обрядом (курганы с погребениями по обряду трупоположения с конем) и поминальные сооружения (оградки из плит и камней, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками-балбалами). Но ни на Алтае, ни в других бывших районах Первого тюркского каганата не обнаружено ни одной вертикальной стелы с надписью»¹⁵. До недавнего времени никаких прямых доказательств в пользу иной альтернативы не было.

Другая проблема связана с ареалом распространения древнетюркского письма. Почти все найденные памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии. Следовало бы считать, исходя из этого, что письменная культура в Тюркском каганате была явлением локализованным, малораспространенным не только хронологически (20—

¹⁵ Л. Р. Кызласов, О датировке памятников енисейской письменности, — СА, 1965, № 3, стр. 43.

30-е годы VIII в.), но и территориально. Тогда логично было бы признать близкой к истине определенную тенденцию китайской историографии, согласно которой тюрки принадлежали к тем «варварским» народам, которым чужды основные достижения цивилизации — письмо, календарь, историческое сознание, сложные формы идеологии.

Во время полевых работ в Монголии автор, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов, которые помогли бы решению указанных вопросов, осуществил достаточно широкое обследование наиболее важных районов, некогда входивших в состав тюркских каганатов, в том числе Хангайскую горную страну, Монгольский и Гобийский Алтай, котловину Больших озер, Южную Гоби. В той или иной степени были обследованы 51 тюркская и 2 согдийские надписи на стелах, отдельных камнях, в составе наскальных комплексов (особенно многочисленны) и на предметах (два случая).

Прежде всего было твердо установлено, что руническая письменность в Монголии не является локальным для какой-либо части страны явлением, а распространена во всех районах обитания древнетюркских племен, вплоть до Южной Гоби. Характер надписей убеждает, что письменностью пользовались достаточно широко, а отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительный круг людей, владевших письмом.

Прочтение Чойрэнской надписи из Восточно-Гобийского аймака позволило установить, что она относится к 688—691 гг., т. е. к периоду возникновения Второго каганата¹⁶. Тем самым снимается хронологическое ограничение бытования древнетюркской письменности во Втором каганате. Чойрэнский памятник, самый ранний из датированных рунических памятников, вполне убедительно показывает, что употребление рунического письма в VII в., по крайней мере в его второй половине, было столь же заурядным явлением, как и для двух последующих столетий.

Новые чрезвычайно интересные материалы содержатся в согдийской Бугутской надписи. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи. Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой племенной союз в мощную державу, к началу 70-х годов VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культами Неба и Земли, культом предков и шаманством велико было воздей-

¹⁶ С. Г. Кляшторный, Руническая надпись из Восточной Гоби. — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 249—258.

стве великих азиатских религий, прежде всего маздеизма и буддизма¹⁷. Еще многое предстоит сделать, чтобы в полной мере выяснить значение, которое имели для маздеистской и буддийской миссий у тюрков экономические и политические мотивы. Несомненно, однако, что уже с самого начала существования каганата его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сферы их влияния, правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некоей идеологической общности в разнородной по составу державе. Лишь социально-политический кризис 581 г. и распад державы приостановили этот процесс. Аналогичную роль играло манихейство в Уйгурском каганате.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского общества VI в. отнюдь не была столь примитивной, как иногда постулировалось. Вместе с тем употребление здесь согдийского языка и письменности указывает по крайней мере на то, что среднеазиатская культура и образованность стали в тюркской Центральной Азии явлением достаточно обычным. Культурная ориентация каганата была направлена не на китайский юг, а на согдийский запад¹⁸.

Таковы самые общие результаты последних полевых исследований древнетюркской эпиграфики в Монголии. В заключение остановимся еще на одном моменте.

¹⁷ N. Eichhorn, *Materialien zum Auftreten iranischer Kulte in China*,—«Die Welt des Orients», 1959, Bd II, H. 5—6, стр. 537—541; A. v. Gabain, *Buddhistische Türkenmission*,—«Asiatica. Festschrift F. Weller», Leipzig, 1954, стр. 161—173; U. Pestalozza, *Il manicheismo presso i Turchi occidentali ed orientali*,—«Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze et lettere», ser. II, 1937, vol. 67, fasc. 11—15, стр. 417—497. Воспользуясь случаем для исправления в описании Бугутской стелы — четвертая грань памятника сохранила остатки более двадцати строк санскритской надписи письмом брахми (определение М. И. Воробьевой-Десятовской), а не нероглифическим письмом, как предполагалось первоначально (С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, *Согдийская надпись из Бугута*, стр. 123). Как полагает сэр Джерар Клосон (частное письмо), эта санскритская надпись является своего рода автографом индийского миссионера Чинагупты, в течение десяти лет (574—584) успешно проповедовавшего буддизм в ставке кагана (см. подробнее: С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, *Согдийская надпись из Бугута*, стр. 132—133).

¹⁸ Подробнее о согдийцах в тюркских государствах см.: С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, стр. 78—135.

Ревизия некоторых давно открытых памятников, предпринятая автором в ходе полевых работ, показала, что их многочисленные издания, лучшими из которых стали общеизвестные книги С. Е. Малова, не только не охватывают сколько-нибудь полно рунической эпиграфики, но, что главное, содержат значительное число неточно воспроизведенных текстов или частей текста. Открытие новых памятников еще более усугубляет положение. Кроме ошибок при воспроизведении памятников накопилось немало ошибок исследовательского характера. Изучение древнетюркских памятников теперь находится на той ступени развития, когда необходимо критическое переиздание и составление свода всех известных текстов — «Корпуса древнетюркских надписей».

Древнетюркские памятники ярче, чем какие-либо другие документы, показывают процесс формирования древней цивилизации и ранней государственности тюркских народов. Памятники свидетельствуют, что в эпоху наибольшей экспансии Танской империи (VII—VIII вв.) народы Центральной Азии и Южной Сибири сумели отстоять и упрочить свою политическую и культурную независимость от Китая.